

Зубков О.Д.

**МОДИФИКАЦИИ ИСХОДНОГО ТЕКСТА ПРИ ПРЕОДОЛЕНИИ
КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ В ХОДЕ СИНХРОННОГО
УДАЛЕННОГО ПЕРЕВОДА[©]**

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, stabh7@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается полимодальное поведение (типы модификаций исходного текста в речи, проявления жестового поведения) переводчиков-синхронистов при удаленном синхронном переводе. Устанавливается влияние объема рабочей памяти и качество стимула на полимодальное поведение переводчиков в ситуациях преодоления когнитивной нагрузки (маркером которой служат речевые трудности). Для их оценки проведен эксперимент с последующим аннотированием речи и жестов переводчиков. Сделаны выводы о том, что при возвращении контроля над процессом перевода (после появления речевых трудностей) частотность речевых модификаций в большей степени определяется объемом рабочей памяти переводчика, а на его жестовое поведение влияет качество стимула.

Ключевые слова: удаленный синхронный перевод; полимодальное поведение; жестовое поведение; речевое поведение; когнитивная нагрузка; модификации смысла.

Поступила: 16.05.2023

Принята к печати: 25.01.2024

Zubkov O.D.

Source text modifications in overcoming cognitive difficulties
of remote simultaneous interpretation[©]

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, stabh7@gmail.com*

Abstract. The paper discusses the multimodal behavior (source text modifications, gesture use) of conference interpreters during remote simultaneous interpretation. It investigates the effect of working memory capacity and the stimulus delivery quality on interpreters' multimodal behavior. An experiment followed by annotation of interpreters' speech and gestures is conducted. Following the analysis of interpreter source text modifications (as a way of overcoming difficulties), the results show that stimulus delivery quality influences the number of difficulties encountered, modifications made, as well as the number of gestures performed.

Keywords: remote simultaneous interpretation; multimodal behavior; gesture behavior; speech behavior; cognitive load; modifications of meaning.

Received: 16.05.2023

Accepted: 25.01.2024

Введение

В настоящем исследовании мы обращаемся к проблеме преодоления ситуаций, сопровождающихся повышенной когнитивной нагрузкой, которая возникает при удаленном синхронном переводе [Gile, 1995, 2009]. К числу факторов, усугубляющих когнитивную нагрузку, относятся качество подачи исходного текста (в том числе низкое качество звука и изображения (презентации) при предъявлении информации [Seeber, 2017]), а также когнитивные и психологические особенности самого переводчика [Когнитивная нагрузка ..., 2019]. С опорой на результаты работ, посвященных выявлению типов маркеров трудностей в речевом поведении переводчика-синхрониста [Когнитивная нагрузка ..., 2019; Iriskhanova, Cienki, 2020; Леонтьева, Агафонова, Петров, 2020], свидетельствующих о возрастании когнитивной нагрузки, в настоящем исследовании предпринимается попытка установить, какие переводческие решения в виде речевых модификаций исходного текста принимает пере-

водчик для преодоления этих ситуаций. В качестве речевых модификаций исходного текста рассматриваются такие трансформации его содержания, которые обеспечивают изменение «упаковки» сообщения или способов организации информации в тексте [Chafe, 1976]. Использование данных модификаций свидетельствует об изменениях сообщения как способах «реабилитации» переводчика при выходе из ситуации повышенной когнитивной нагрузки (возвращения контроля над процессом перевода). Их обнаружение в речи переводчика (например, модификаций в топике и фокусе сообщения) позволяет прогнозировать когнитивные риски в его работе с учетом факторов качества исходного текста и когнитивно-психологических особенностей самого переводчика (например, объема его рабочей памяти или его когнитивного стиля). В указанных выше работах (см., например, в [Леонтьева, Агафонова, Петров, 2020]) также определяется значимая роль жестового поведения при выходе из ситуаций повышенной когнитивной нагрузки. В настоящем исследовании мы подвергаем анализу случаи проявления жестового поведения, используемого совместно с речевыми модификациями исходного сообщения, которые появляются в поведении переводчика после речевых трудностей; таким образом, комплексы речи и жеста (после речевых трудностей) рассматриваются нами как способы возвращения контроля над процессом перевода.

В качестве рабочих гипотез данной работы, проводимой в рамках исследования полимодального поведения переводчиков-синхронистов в ходе удаленного синхронного перевода [Зубков, 2022], выдвинуты следующие: 1) с увеличением показателя рабочей памяти будет снижаться количество производимых переводчиками речевых модификаций информации исходного сообщения, 2) при предъявлении стимула с худшим качеством будет увеличиваться количество производимых переводчиками речевых модификаций информации исходного сообщения, 3) при предъявлении стимула с худшим качеством будет увеличиваться количество производимых переводчиками жестов.

Полимодальное поведение синхронных переводчиков в теориях когнитивной нагрузки

Вопросы распределения когнитивной нагрузки в ходе реализации синхронного перевода рассматриваются в работах Д. Жиля и К. Зибера. Д. Жиль в своих трудах [Gile, 1995, 2009] при оценке «моделей усилий» (*modèles d'efforts*) разрабатывает «гипотезу (теорию) натянутого каната» (*tightrope hypothesis*). Согласно этой теории общее количество когнитивных ресурсов переводчика ограничено, а в процессе деятельности эти ресурсы приходится распределять на разные виды задач (у Д. Жиля это задачи «слушания», «анализа», «речепорождения», «памяти»). Исследователь указывает, что синхронные переводчики работают на пике своих возможностей, и любое увеличение когнитивной нагрузки приводит к резкому ухудшению как качества перевода, так и здоровья переводчика. Теория когнитивной нагрузки в условиях устного перевода, которую разрабатывает К. Зибер, носит название «модель когнитивной нагрузки» (*Cognitive Load Model*); согласно данной модели синхронные переводчики работают не на абсолютном пике своих когнитивных возможностей, а на относительном, что снижает важность грамотного распределения когнитивных ресурсов.

При том, что обе теории могут быть применимы к анализу когнитивной нагрузки в процессе синхронного перевода, мы полагаем, что первая позволяет анализировать роль самих когнитивно-психологических факторов, влияющих на качество перевода, в то время как с помощью второй представляется возможным моделировать поведение переводчика в ситуации преодоления трудностей. В связи с этим для решения задач настоящей работы мы опираемся на подход К. Зибера, согласно которому целесообразно системное изучение факторов, определяющих успешность перевода, и разных ресурсов переводчика [Seeber, 2017]. В рамках нашего исследования в качестве таких ресурсов рассматриваются его речевое и жестовое поведение.

Распределение речевых и жестовых характеристик поведения синхронного переводчика, определяемое когнитивной нагрузкой в переводе, изучается в научной школе О.К. Ирисхановой [Когнитивная нагрузка ..., 2019]. В разрабатываемом подходе исследуются необходимость осуществлять множественные когнитивные и пси-

хологические операции (хранение и извлечение информации из кратковременной и долговременной памяти; переключение внимания и т.д.), а также их полимодальная (мультиканальная) реализация в синхронном переводе (в аудиально-вербальном, вокально-вербальном и других каналах связи). Однако удаленный формат работы может оказывать значительное влияние на распределение этих ресурсов, что обусловлено в первую очередь ограничением личного пространства, интенсивностью зрительного контакта с другими людьми и невозможностью ориентироваться на невербальное поведение говорящего при удаленной работе, приводящими к явлению, названному «зум-выгоранием» [Bailenson, 2021]. При этом в настоящий момент редки экспериментальные исследования, в которых изучаются особенности и возможности преодоления этой нагрузки в полимодальном поведении переводчика, а также факторы, определяющие ее объем и способы ее преодоления. В настоящем исследовании мы анализируем два таких фактора – качество исходного стимула (звука и изображения) и объем рабочей памяти переводчика (как один из наиболее значимых когнитивно-психологических факторов).

Особый интерес для выявления типов речевых модификаций представляют концепции, описывающие изменения в информации исходного сообщения при переводе (переводческие трансформации, переводческие модификации, переводческие приемы, переводческие ошибки). Так, переводческие трансформации представляют собой изменения в языковом оформлении исходного и переводного материала [Бархударов, 1975; Алексеева, 2004; Бузаджи, Гусев, Ланчиков, Псурцев, 2009]. В рамках исследования устного перевода общие принципы переводческих трансформаций остаются неизменными, однако добавляются новые, а конкретные способы их реализации называются приемами (прием вероятностного прогнозирования, прием компрессии и декомпрессии) [Нгуен, 2019; Борисова, Путилина, Крашенинникова, 2020]. Отдельному изучению подвергаются и переводческие ошибки, во многом общие и для письменного, и для устного (в том числе синхронного) перевода [Латышев, 2005]. Переводческие модификации, напротив, являются выбранными в тот или иной момент разрешения когнитивной трудности способами конструирования измененного содержания исходного сообщения. Поэтому, с одной стороны, сами модификации

являются переводческими ошибками, если оценивать их как искажения информации исходного текста. С другой стороны, перед нами способы преодоления когнитивной нагрузки во время синхронного перевода, который является чрезвычайно «энергозатратным» видом деятельности. Использование модификаций информации исходного сообщения свидетельствует не о том, что тот или иной переводчик не знаком с правилами и требованиями качественного перевода, а о том, что он «реабилитируется», т.е. выходит из ситуации повышенной когнитивной нагрузки, снижая ее для того, чтобы продолжать устный перевод.

Процедурные основания анализа модификаций исходного текста в полимодальном поведении синхронных переводчиков

В ходе разработки процедуры анализа полимодального поведения синхронных переводчиков мы опирались на 1) типологии речевых маркеров трудностей, 2) типологии жестового поведения, сопряженного с речью и 3) теории конструирования информации в высказывании для установления типов речевых модификаций.

Так, согласно типологии речевых маркеров трудностей, предложенной в работе [Cienki, Iriskhanova, 2020] применительно к анализу полимодального поведения переводчика-синхрониста, выделяются следующие их типы: хезитации, продолжительные паузы, самоисправления, самоповторы, усечения слов или конструкций, наличие конструкций – заполнителей пауз (вставные конструкции, которых не было в исходном тексте: «естественно», «само собой» и т.д.), замедления темпа речи, растягивания слов или звуков. Для анализа жестового компонента поведения переводчиков использована функциональная типология жестов, предложенная в работе А. Ченки [Cienki, 2013]. В рамках настоящей работы мы ограничились установлением факта наличия или отсутствия того или иного функционального типа жеста.

При систематизации речевых переводческих модификаций исходного текста сообщения мы обратились к когнитивно-дискурсивным концепциям распределения информации в высказывании [Chafe, 1976; Givon, 1992; Ржешевская, 2015, 2016]. Так, в работе У. Чейфа [Chafe, 1976] рассматриваются особенности «упа-

ковки» (*packaging*; такой перевод термина закрепился в отечественной лингвистике) информации и приводятся шесть «статусов упаковочных явлений» (*packaging statuses*), относящихся к любой информации: данное, фокус контраста, определенность / неопределенность, субъектность, топик, точка зрения. Рассмотрим их подробнее.

По У. Чейфу, данная информация – то знание, которое, по предположению говорящего, находится в сознании слушающего в момент произнесения высказывания. Фокус контраста определяется исследователем на основании фразового ударения и соотносится с некоторыми фоновыми знаниями коммуникантов (осведомленность о ситуации и ее возможном развитии). Установление определенности / неопределенности в содержании высказывания возможно на основании определения статуса референта в ситуации общения. Субъектностью У. Чейф называет то, о чем говорится в высказывании, или то, что является его отправным пунктом, о котором сообщаются дополнительные сведения. При этом топик – это составляющая высказывания, задающая тот понятийный контекст (*framework*), в котором имеет место выраженная в высказывании предикация. Разные точки зрения, или фокусы эмпатии, обнаруживаются, если в высказывании одно и то же действие или событие представляется с разных сторон. Применив данную теорию, описывающую способы «упаковки» в высказывании, к процессу перевода, можно говорить о шести возможных видах модификаций исходного текста при переводе: 1) противопоставление старой и новой информации, 2) изменение фокуса контраста, 3) перераспределение определенности или неопределенности, 4) смена субъектности, 5) изменения в топике, 6) смена точки зрения, т.е. изменения перспективы. Модификации в топике представляются возможным подвергать дополнительному анализу с опорой на концепцию локальной связности Т. Гивона, согласно которой разграничиваются четыре ее типа – референциальная, временная, пространственная и событийная [Givon, 1992]. Можно предположить наличие четырех типов модификаций в топике: изменения «пассивных референтов» (не-субъектов), изменения времени, места действия, изменения причинно-следственных связей или же последовательности событий. В связи с тем, что особенности перспективы не получают подробного описания в концепции У. Чейфа, мы обратились к иным работам, исследующим типы конструирования перспективы в высказыва-

зываении. В работах [Ржешевская, 2015, 2016], посвященных перспективизации в дискурсе драмы, разграничиваются возможные «внутренние» сдвиги перспективы в драме (относящийся к плану «персонаж – персонаж») и «внешние» (отдельные от сюжета драмы планы, например, «режиссер – зритель»). Применяя эту классификацию к процессу перевода, мы получаем следующие сдвиги перспективы: внешний сдвиг, сдвиг из внутреннего во внешний план, сдвиг из внешнего во внутренний план.

Помимо названных модификаций информации логичным было бы предположить ее опущения в тексте перевода. Как известно, опущения традиционно рассматриваются как один из видов переводческих трансформаций в случаях присутствия семантически избыточной информации [Бархударов, 1975; Нелюбин, 2003]. При этом в некоторых работах опущения рассматриваются как переводческие ошибки [Мурзаков, 2020]. В работах школы О.К. Ирисхановой опущения рассматривались как языковой маркер проявления у переводчика когнитивной трудности [Когнитивная нагрузка ..., 2019], однако в более поздних работах на эту же тему опущения были исключены из перечня маркеров трудностей [Cienki, Iriskhanova, 2020]. Учитывая неоднозначность в отнесении опущений к классу трудностей или модификаций, мы приняли решение рассматривать опущения как отдельный тип модификаций исходного смысла предложения, руководствуясь смысловой структурой высказывания, так как при опущении того или иного дискурсивного компонента содержание текста перевода отличается от текста оригинала. Опираясь на типологию модификации исходного текста, мы выделили следующие типы опущений (по опускаемому в тексте перевода компоненту): опущение фокуса контраста (логического ударения конструкции); опущение субъекта; опущение топика; опущение перспективы.

Разработанную типологию модификаций исходного текста мы применяем для установления речевых особенностей преодоления ситуаций повышенной когнитивной нагрузки в полимодальном поведении синхронных переводчиков.

Дизайн эксперимента

Для получения исходных данных полимодального поведения переводчиков был организован пилотный эксперимент; по его итогам было собрано 12 видеозаписей – проб перевода; суммарная длительность видеоматериалов составила 53 минуты. Все испытуемые – практикующие переводчики-синхронисты с относительно одинаковым переводческим стажем и набором рабочих языков. Испытуемым было предложено синхронно перевести с английского на русский язык две видеозаписи, общий хронометраж которых составляет 7 минут и 15 секунд. Обе видеозаписи были подготовлены добровольцами и самими авторами исследования. Видеозаписи представляют из себя следующее:

1) спикер выступает на английском языке в ходе видеоконференции на платформе Zoom на тему «Зеленый водород»; звук и видео хорошего качества, есть видеоматериалы (в виде презентации PowerPoint);

2) спикер выступает на английском языке в ходе видеоконференции на платформе Zoom на тему «Солнечная энергетика»; качество (аудио и видеосоставляющих) записи в данном случае хуже, чем в стимуле № 1. Спикер предоставил видеоматериалы (в виде презентации PowerPoint), но в силу нарушения видеосвязи данные материалы были отключены с 1 минуты 10 секунд до 2 минут 15 секунд (~ 65 секунд).

Рис. 1. Полимодальное поведение испытуемых синхронных переводчиков

С помощью видеокамеры была произведена фиксация озвученных испытуемыми синхронных переводов, равно как и их жестового поведения (как жестикуляции рук, так и мимических жестов). Объем рабочей памяти переводчиков определен с помощью теста 2N-back, считающегося стандартным инструментом измерения рабочей памяти. За сутки до проведения эксперимента испытуемым был выслан гlosсарий по теме выступлений. На рис. 1 показаны фрагменты видеозаписи полимодального поведения переводчиков, на которых демонстрируется одновременная реализация речевого и жестового поведения.

Полученные видеозаписи были проанализированы на предмет речевого и жестового поведения переводчиков-синхронистов; их речь была проаннотирована на наличие в ней речевых маркеров трудностей [Cienki, Iriskhanova, 2020] и наличия / отсутствия функционального жеста [Cienki, 2013]. При наличии речевого маркера трудности мы далее определяли наличие / отсутствие модификации исходного текста в речи переводчика, произносимой после момента затруднения. Для проверки рабочих гипотез были установлены типы и частотность речевых модификаций исходного текста в ситуации преодоления когнитивной трудности, а также было определено влияние показателей рабочей памяти, качества стимула на количество производимых переводчиками жестов и речевых модификаций.

Результаты исследования

Поскольку в рамках настоящего исследования мы рассматриваем модификации смысла исходного текста как способ выхода переводчиками из ситуации повышенной когнитивной нагрузки, то для анализа были отобраны только те случаи в аннотированных записях переводов, где речевая модификация информации или жест либо сопряжены, либо находятся сразу после речевого маркера трудности. Таким образом, мы можем видеть, как переводчики-синхронисты выходят из ситуаций повышенной когнитивной нагрузки с помощью вербальных и невербальных приемов.

В табл. 1 приведены данные по результатам анализа задачи 2N-back (показатель объема рабочей памяти испытуемых), равно

как и данные по количеству произведенных модификаций замены и опущения, а также произведенных переводчиками жестов.

Таблица 1.
Данные пилотного эксперимента

Участник	2N-Back	Стимул 1, «хороший»			Стимул 2, «плохой»		
		Модификации замены, кол-во	Модификации опущения, кол-во	Жесты, кол-во	Модификации замены, кол-во	Модификации опущения, кол-во	Жесты, кол-во
1	6/6	16	4	3	2	4	9
2	6/6	14	8	30	14	5	35
3	5/6	3	4	8	4	10	19
4	2/6	0	8	1	12	8	14
5	5/6	12	7	23	25	6	24
6	1/6	46	19	0	43	22	0

Как видно из табл. 1, в ходе анализа речевого поведения переводчиков были обнаружены все указанные типы модификаций. Приведем примеры некоторых из них.

Так, в примере (1) наблюдаем перераспределение старой и новой информации: (1) *This heat – also known as thermal energy – can be used to spin a turbine or power an engine to generate electricity.* = *Эта термальная энергия, или отопление может быть использована, чтобы // пауза // завести турбины.*

Пример (2) демонстрирует смену фокуса контраста, т.е. логического ударения высказывания: (2) *There are two main types of solar technologies, which are photovoltaics on your right and concentrated solar power systems on your left.* = *Есть несколько способов получения солнечной энергии, одни из них это // хезитация // солнечные панели. // опущено //.*

В примере (3) наблюдаем перераспределение определенной и неопределенной информации: (3) *Furthermore, hydrogen fuel cells provide an inherently clean source of energy; with no adverse environmental impact during operation as the byproducts are simply heat and water.* = *Кроме того, водород является одним из чистейших источников энергии, и... // хезитация, пауза, опущено //.*

Смена субъекта конструкции показана в примере (4) *While every surface or place on Earth receives some sunlight over a year,*

some places receive more and some receive less. = // пауза // Вся Земля привлекает к себе солнечную энергию в течение года, некоторые привлекают большие энергии, некоторые меньшие.

В примере (5) ...*a variety of industrial applications, like water desalination, enhanced oil recovery, food processing, and so on and so forth.* = ...может помогать очищать воду от соли и в других целях демонстрируется изменение топика; в примере (6) *I'm going to speak about the 4 most common ones...* = ...и мы поговорим с вами о самых простых видах... – изменение перспективы.

В примере (7) *There are two main types of solar technologies, which are photovoltaics on your right and concentrated solar power systems on your left.* = // опущено // Вы видите здесь фотовольтаику, один из способов. // опущено // приведен один из частотных примеров опущения дискурсивного компонента.

На примере описанных выше случаев видно, как переводчики-синхронисты прибегают к тому или иному виду модификаций смысла исходного сообщения при нахождении в условиях повышенной когнитивной нагрузки (что можно наблюдать по речевым маркерам трудностей, о которых шла речь выше).

Далее обратим внимание на несколько примеров того, как синхронные переводчики пользуются жестами для выхода из подобных ситуаций. Так, в примере (8) *Blue hydrogen follows the same process as grey...* = Си- синий // самоповтор // водород также производится // жест // в том же процессе, что и серый водород и (9) *Grey hydrogen has increasingly been produced also from coal...* = Серый водород прорабатыв- // самоисправление + жест // израбатывается также используя уголь приведены примеры использования жестов, сопровождающих появление переводческих трудностей. Как видно из табл. 1, частотность использования жестов демонстрирует большую индивидуальную вариативность в поведении переводчиков.

Руководствуясь полученными данными о частотности жестов, трудностей и типов модификаций, проверим высказанные гипотезы с применением методов аналитической статистики. Согласно первой рабочей гипотезе с увеличением показателя рабочей памяти синхронных переводчиков будет снижаться количество производимых переводчиками речевых модификаций информации исходного сообщения. Для нахождения значимых различий был приме-

нен анализ корреляций с помощью коэффициента корреляции Пирсона. Коэффициент корреляции для стимула №2 составил $-0,744$; для стимула №1 $-0,547$ (критическое значение коэффициента для такого объема выборки составляет $0,71$ для $\rho = 0.01$ и 0.58 для $\rho = 0.05$). Полученные данные указывают на то, что стимул с плохим качеством оказывает большее влияние на речевое поведение переводчиков, демонстрирующих разные показатели объема рабочей памяти. Таким образом, гипотеза не только подтверждается, но и уточняется для стимулов разного качества (для стимула с хорошим качеством данных оказалось недостаточно).

Вторая гипотеза состояла в том, что при работе со стимулом худшего качества переводчики будут чаще прибегать к речевым модификациям информации исходного сообщения. Общее число модификаций (и замены, и опущения) для стимула №1 составило 141 случай (91 замена, 50 опущений), для стимула №2 – 155 случаев (100 замен, 55 опущений). Для выявления значимых различий был применен парный t -тест Стьюдента. Для модификаций замены значение t -критерия составило $-0,550$ при $\rho = 0,292$; для модификаций опущения $-0,722$ при $\rho = 0,239$. Таким образом, статистически значимых различий не выявлено. Считаем, что подобные значения могут говорить о недостаточно большой выборке. Таким образом, вторая гипотеза на данной выборке не подтвердилась.

Третья гипотеза заключается в том, что при предъявлении стимула с худшим качеством вырастет число производимых переводчиками жестов. Общее число функциональных жестов для стимула №1 составило 65 жестов; для стимула №2 – 101. Для выявления значимых различий был применен парный t -тест Стьюдента. Значение t -критерия составило $-2,82$ при $\rho = 0,019$ ($\rho < 0,05$). Таким образом, мы можем говорить о том, что данная гипотеза подтвердилась.

Подытожим и сделаем следующие выводы из проведенного пилотного эксперимента. Условия удаленного формата работы (в данном исследовании: представленные качеством звука подачи исходного материала ниже рекомендуемого международными стандартами; перебои со связью) привели к повышению уровня когнитивной нагрузки у переводчиков, что отразилось в их речевом и жестовом поведении. При этом речевые модификации информации исходного сообщения свидетельствуют не о том, что

переводчики не знакомы с требованиями качественного перевода, а являются способами возвращения контроля над процессом перевода при столкновении с когнитивной трудностью.

Уровень рабочей памяти переводчиков-синхронистов обратно пропорционален количеству производимых модификаций информации исходного сообщения; однако эта зависимость обнаружена только для стимула плохого качества. Как оказалось, объем выборки не позволяет утверждать наличие значимых различий в производимых модификациях; можно предположить, что их использование определяется индивидуальными особенностями переводчиков. Однако обнаружены различия в жестовом поведении, что свидетельствует о том, что жестикуляция оказывается более «чувствительной» к изменениям когнитивной нагрузки переводчика-синхрониста.

Заключение

Полученные результаты и сделанные выводы позволяют установить определенные тенденции в полимодальном, а особенно речевом, поведении переводчиков-синхронистов (зависимость частотности речевых переводческих модификаций от объема рабочей памяти, от качества исходного стимула), что позволяет говорить о перспективности продолжения исследования в этом направлении. Как уже было указано, для точного подтверждения или опровержения некоторых гипотез необходимо увеличение выборки.

Однако в целом можно констатировать, что при возвращении контроля над процессом перевода (после появления речевых трудностей) частотность речевых модификаций в большей степени определяется объемом рабочей памяти переводчика, а на его жестовое поведение влияет качество стимула. Данные наблюдения указывают на то, что полимодальное поведение действительно является некоторым способом «реабилитации» переводчика при выходе из ситуации повышенной когнитивной нагрузки и возвращении контроля над процессом перевода.

Список литературы

Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ. – 2004. – 352 с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – Москва : Международные отношения. – 1975. – 240 с.

Борисова С.А., Путилина Е.А., Краиценинникова Е.И. Стратегии компрессии и декомпрессии в конференц-переводе // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкоизложения и педагогики. – 2020. – № 2. – С. 39–50.

Когнитивная нагрузка в условиях синхронного перевода: опыт полимодального анализа / Ирисханова О.К., Петров А.А., Маковеева А.И., Леонтьева А.В. // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 38. – С. 100–116.

Латышев Л.К. Технология перевода. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Академия. – 2005. – 320 с.

Леонтьева А.В., Агафонова О.В., Петров А.А. Некоторые особенности употребления жестов при изменении темпа речи в синхронном переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 10(839). – С. 126–137.

Неген В.З. Стратегии и приемы в синхронном переводе устной разговорной речи. // Россия в мире: проблемы и перспективы международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Межд. конф. (Пенза, 25–26 марта 2019). – Пенза, 2000. – С. 228–241.

Нелиубин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., перераб. – Москва : Флинта: Наука. – 2003. – 320 с.

Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. – Москва : Всероссийский центр перевода. – 2009. – 120 с.

Ржешевская А.А. О сдвигах перспективы в драматическом дискурсе. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – №19(730). – С. 231–238.

Ржешевская А.А. О стилистических приемах, реализующих когнитивные механизмы перспективизации. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2016. – № 19(758). – С. 130–137.

Bailenson, J. Nonverbal overload: A theoretical argument for the causes of Zoom fatigue. – Technology, Mind, and Behavior. – 2021. – Vol. 2. – 6 p.

Chafe W.L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view // Subject and topic. – New York : Acad. Press. – 1976. – P. 25–55.

Cienki A. Cognitive Linguistics: spoken language and gesture as expressions of conceptualization // Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. – P. 182–201.

Cienki A., Iriskhanova O.K. Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1 // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 1. – С. 5–11.

Gile D. Basic concepts and models for interpreter and translator training. – Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. – Vol. 8.

Gile D. Regards sur la recherche en interprétation de conférence. – Lille : Presses Universitaires de Lille. – 1995. – 280 p.

Givón T. Coherence in text vs. coherence in mind // M. A. Gernsbacher, T. Givón. (eds.) Coherence in spontaneous text. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins. – 1995. – P. 59–115.

Seeber K.G. Multimodal processing in simultaneous interpreting // The Handbook of Translation and Cognition. – Hoboken ; NJ : John Wiley, 2017. – P. 461–475.

References

Alekseeva, I.S. (2004). *Vvedenie v perevodovedenie*. Saint-Petersburg Filologicheskij fakul'tet SPbGU.

Barhudarov, L.S. (1975). *Jazyk i perevod (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija.

Borisova S.A., Putilina E.A., Krasheninnikova E.I. Strategii kompressii i dekompressii v konferenc-perevode. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznanija i pedagogiki*. 2020. 2, 39–50.

Irishanova, O.K., Petrov, A.A., Makoveeva, A.I., Leont'eva, A.V. (2019). Kognitivnaja nagruzka v uslovijah sinhronnogo perevoda: opyt polimodal'nogo analiza. *Kognitivnye issledovaniya jazyka*, 38, 100–116.

Latyshev, L.K. (2005). *Tehnologija perevoda*. Moscow: Akademija.

Leont'eva, A.V., Agafonova, O.V., Petrov, A.A. (2020). Nekotorye osobennosti upotreblenija zhestov pri izmenenii tempa rechi v sinhronnom perevode. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 10(839), 126–137.

Nguen V.Z. Strategii i priemy v sinhronnom perevode ustnoj razgovornoj rechi. In *Rossiya v mire: problemy i perspektivy mezdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoj i social'noj sfere* (pp. 228–241). Penza, 2000.

Neljubin, L.L. (2003). *Tolkovojj perevodovedcheskij slovar*. Moscow: Flinta; Nauka.

Buzadzhi, D.M., Gusev, V.V., Lanchikov, V.L., Psurcev, D.V. (2009). *Novyj vzgljad na klassifikaciju perevodcheskikh oshibok*. Moscow: Vserossijskij centr perevoda.

Rzheshevskaja, A.A. (2015). O sdvigah perspektivy v dramaticheskem diskurse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 19(730), 231–238.

Rzheshevskaja, A.A. (2016). O stilisticheskikh priemah, realizujusshih kognitivnye mehanizmy perspektivizacii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 19(758), 231–238.

Bailenson, J. *Nonverbal overload: A theoretical argument for the causes of Zoom fatigue*. *Technology, Mind, and Behavior*. 2021. Vol. 2.

Chafe, W.L. (1976). Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view. In Li, C.N. (ed). *Subject and topic* (pp. 25–55). New York: Acad.Press.

Cienki, A. (2013). Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization. In *Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction* (pp. 182–201). Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter.

Cienki, A., Iris Khanova, O.K. (2020). Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki, 1*, 5–11.

Gile, D. (2009). *Basic concepts and models for interpreter and translator training*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 8.

Gile, D. (1995). *Regards sur la recherche en interprétation de conférence*. Lille: Presses Universitaires de Lille.

Givón, T. (1995). Coherence in text vs. coherence in mind. In Gernsbacher, M.A., Givón, T. (eds.) *Coherence in spontaneous text* (pp. 59–115). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Seeber, K.G. (2017). Multimodal processing in simultaneous interpreting. In *The Handbook of Translation and Cognition* (pp. 461–475). Hoboken, NJ: John Wiley.

Об авторе

Зубков Олег Дмитриевич – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва, stabh7@gmail.com

About the author

Zubkov Oleg Dmitrievich – Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Russian Federation, Moscow, stabh7@gmail.com